

жизни и благополучію другихъ, то-есть, твоихъ ближнихъ. Въ противномъ случаѣ, ты долженъ остановить обидчика, какъ это и сдѣлалъ Христосъ, остановившій безстыднаго и наглаго обидчика, ударившаго Его по ланитѣ на судѣ у первосвященника, а если эта обида учинена будетъ съ явною опасностью не только для твоей жизни, но и для жизни и имущества твоихъ ближнихъ со стороны воровъ, грабителей и убійцъ, то «воздай кесарево кесареви». Толстой вѣроломно заранѣе выбросилъ эту тоже евангельскую заповѣдь (Мате. 22 гл. 16—21), несогласную съ его учениемъ.

Не подтверждаютъ буквального пониманія евангельскаго мѣста «не противиться злу», взятаго вѣтъ связи рѣчи и другія мѣста подлинно—апостольскаго евангелія, напр., повѣствующія намъ о Христѣ, изгоняющемъ бичемъ торговцевъ Храма (Іоан. 2 гл. 14—15). О Христѣ, повѣствующемъ вѣтъ одной изъ притчѣ о царѣ, который, пославъ войска свои, истребилъ убійцѣ оныхъ и сжегъ юродѣ ихъ (Ме. 22 гл. 7), «О Христѣ, Грозномъ Судіи за кровь Праведниковъ» (Ме. 23 гл. 35 ст.) и т. д. Евангеліе никогда не призывало быть великодушнымъ, жертвуя интересами другихъ.

Да и самъ Толстой, отрицающій государственное устройство, какъ форму общежитія, все время жилъ въ Ясной Полянѣ подъ охраной государства, отвергаемаго имъ, и кончилъ тѣмъ, что оставилъ государству духовное завѣщаніе о своемъ литературномъ наслѣдствѣ, т. е. вѣтъ концѣ концовъ по существу дѣла обратился къ помощи тѣхъ-же штыковъ, противъ которыхъ вооружался. «Проповѣдуй Толстой людямъ: будьте ангелами, покорите вѣтъ себѣ ваши дурныя, животныя страсти, паче-же всего гнѣвъ, жестокость и жадность, и не будетъ ни судовъ, ни поліціи, ни тюремъ, ни казней, тогда и безъ присяги всякъ поверить вамъ... Это было бы похоже на евангельскую правду. Но онъ проповѣдуетъ вѣтъ діаметральной противоположности: уничтожьте войско, судъ, присягу, тюрмы, и люди сдѣлаются ангелами.» Такъ говоритъ Я. П. Полонскій, прекрасно разобравшій